

## Безграмотность и ее причины

И так, причины безграмотности современной молодежи. Какие они? В чем заключаются? И как с ними можно бороться?

Взяв эти вопросы за основу, а также учтя, что специфика жизни и учебы в селе и городе имеет определенные отличия, можно сделать выводы.

Воспитание детей начинается с дома и/или со школы. Основную массу своего времени ребенок проводит в школе, а в последующем и в средних учебных заведениях. Поэтому *первой причиной безграмотности* учеников и студентов может быть безграмотность самого учителя, который либо не получил (или не захотел получить) в ВУЗе соответствующих знаний, или же попросту не любит свой предмет, не знает, как его преподнести, заинтересовать ребенка в изучении грамматики и правильности произношения родного языка. Поэтому вполне оправдано в такой ситуации у детей возникает антипатия к изучению филологических дисциплин. *Второй причиной* можно считать влияние родителей. Ведь они могут быть и сами безграмотными, а дети их просто наследуют, копируют их поведение и манеру изъясняться.

К сожалению, современные педагоги сталкиваются с тем, что родители мало принимают участие в развитии ребенка, не приучают его к ответственности, не контролируют учебный процесс и выполнение домашних заданий конкретно. *Третьей*, и на мой взгляд основной *причиной*, является нежелание самих детей учиться. Сейчас мы наблюдаем в школах, СУЗах следующую проблему – детей ничего не интересует, ни игровые моменты на уроках, ни инновационные подходы. Поэтому учителя часто пребывают в замешательстве, как же ребенку привить любовь к родному языку? Если же ребенок не хочет учиться, то конечно, в недалеком будущем будет ярко «блистать» своей безграмотностью.

Что касается решения проблемы, то я считаю, что именно средства массовой информации могут оказать на детей благоприятное воздействие. Если СМИ почаще будут раскрывать красоту родного языка, делать акцент на том, что **быть грамотным не только обходимо, но еще и модно** – это, безусловно, принесет свои плоды. И преподаватели и родители, и сами дети должны понять важность грамотности, объединить усилия в процессе ее достижения. Учителям – найти способы заинтересовать учеников, родителям – заниматься воспитанием ребенка дополнительно самим, следить за учебным процессом своих чад, детям – просто не лениться, грамотность еще никому не повредила.

Что же касается непосредственно причин развития безграмотности, то я выделяю следующие из них.

Во-первых – это *компьютеризация городского населения*. Если не у каждого компьютер есть дома, то практически у каждого есть к нему доступ: в компьютерных клубах и классах информатики, у друзей или родственников.

«Word – все равно все исправит», – считают многие молодые люди. Да, текстовый редактор Word с успехом правит не только грамматические, но и орфографические ошибки. И тем не менее, компьютер – всего лишь машина, она может «не знать» неологизмов, «не понимать» употребление того или иного слова без контекста. Да и уверены ли вы, что Word поможет вам в будущем?

Не менее пагубно на молодые умы влияет и ставший в последнее время весьма модным так называемый «падонковский» язык. Это когда слова умышленно коверкаются и пишутся безграмотно: превед, пожалусто, канешна и т.д.

Использование этого компьютерного сленга не только стимулирует безграмотность, а и весьма поощряет ее. Ведь по негласному правилу почему-то считается, чем сильнее и смешнее ты исковеркал родной язык – тем лучше.

Постепенно этот сленг начал трансформироваться из исключительно письменного варианта и в устную речь. Сейчас среди многих моих знакомых наблюдается тенденция и в разговоре делать неверные ударения в словах, умышленно произносить их неправильно.

Как сказал с досадой один из резидентов популярного ТВ-шоу «Comedy Club» Александр Незлобин: «Зачем я учил грамматику, если сейчас все равно модно «превед, медвед»?»

Доказывать, что грамотность наших школьников сильно понизилась, - значило бы ломиться в открытую дверь. Это обнаруживается на приемных экзаменах в высшие учебные заведения и техникумы; на уровне грамотности машинисток и переписчиц, недавно окончивших школу; при обследованиях школ, и вообще везде, где приходится наблюдать людей, обучавшихся письму последнее время. Не надо, конечно, думать, что в прежнее время по этой части все обстояло благополучно; вопрос о поднятии грамотности всегда стоял на очереди. Но надо откровенно признать, что сейчас этот вопрос приобрел совершенно необычную остроту и что вопли о недопустимой безграмотности питомцев нашей школы отнюдь не преувеличены. Надо откровенно признать, что этот пробел в нашем школьном деле дошел до размеров общественного бедствия, что об этом надо кричать и изыскивать меры для его изживания.

Может показаться странным, что после проведения реформы орфографии, которая и была задумана в значительной мере в целях облегчения достижения полной грамотности, результаты получились как раз обратные ожидаемым. Между тем нет ничего естественнее, и это можно было даже предвидеть. В самом деле, реформа облегчала орфографию, но не делала ее легкой, ибо орфография языка, употребляемого полутора сотнями миллионов людей, по самому существу вещей не может быть абсолютно легкой - почему, здесь было бы очень долго объяснять; скажу только, что полтора миллиона, расселенные на колоссальной территории, не могут говорить одинаково, а писать должны одинаково. Итак, реформа не сделала орфографию безусловно легкой, но зато в корне подорвала ее престиж.

Нам, филологам, было, конечно, всегда понятно, что орфография есть вещь условная и меняющаяся во времени; но широкие круги грамотных людей считали ее покоящейся на каких-то незыблемых основаниях. Для низших слоев грамотных людей эта самая грамотность была вообще пределом науки; уметь правильно расставлять яти значило быть «ученым человеком». Для высших слоев грамотных людей требования орфографии оправдывались наукой, и нарушать эти требования значило разрушать науку, значило разрушать родной язык, отрекаясь от его истории. Для того чтобы ясно представить себе эти прежние умонастроения, достаточно вспомнить о тех жарких спорах, которые велись на тему о том, как писать: *лѣчебница* или *лечебница*, *болѣ* или *боле*, *ветчина* или *вядчина* и т. п.

Реформа орфографии наглядно, а потому безвозвратно, уничтожила все эти иллюзии. Оказалось, что можно писать хлеб, снег, беспричинный и т. д., и т. д., за что раньше ставили двойку, лишали диплома или не принимали на службу писцом. Практический вывод, который был сделан отсюда широкими массами, и не только ими, но и учительством, и не только низовым, но и средним, вообще почти всем обществом,

был тот, что орфография - вещь неважная, пиши, дескать, как хочешь, не в том сила. Я утверждаю это не как собственный домысел, а как постоянно подтверждающееся наблюдение над жизнью и школой. Эта новая оценка орфографии была подкреплена свойственным всем революционным эпохам презрением к «форме» и погоней за «существом». В результате и получилась та недооценка значения орфографии, которая, по моему глубокому убеждению, и является коренной причиной современной безграмотности.

Что же делать? Прежде всего надо вернуть орфографии ее престиж, но, конечно, не тот традиционный, который заставлял держаться за каждую букву прошлого, и не тот псевдонаучный, которым орфография была окружена и которого на самом деле у нее не было, а тот реальный, который делает ее замечательным орудием общения миллионов людей.

В самом деле, ведь совершенно ясно, что если все будут писать по-разному, то мы перестанем понимать друг друга. Значит, смысл и ценность орфографии в ее единстве. Чем идеальнее это единство, тем легче взаимопонимание. Эти общие соображения вполне подтверждаются исследованием процесса чтения. Для полной успешности этого процесса необходимо, чтобы мы как можно легче узнавали графические символы, чтобы как можно легче возникали связанные с ними ассоциации. Все непривычное - непривычные очертания букв, непривычная орфография слов, непривычные сокращения и т. п. - все это замедляет восприятие, останавливая на себе наше внимание. Всем известно, как трудно читать безграмотное письмо: на каждой ошибке спотыкаешься, а иногда и просто не сразу понимаешь написанное. Грамотное, стилистически и композиционно правильно построенное заявление на четырех больших страницах можно прочесть в несколько минут. Столько же времени, если не больше, придется разбирать и небольшую, но безграмотную и стилистически беспомощную расписку.

Писать безграмотно - значит посягать на время людей, к которым мы адресуемся, а потому совершенно недопустимо в правильно организованном обществе. Нельзя терпеть неграмотных чиновников, секретарей, машинисток, переписчиков и т. д., и т. д. И, конечно, по мере налаживания жизни, поднятие грамотности будет осуществляться самым безжалостным образом этой самой жизнью: плохо грамотных будут удалять со службы, а то и просто не принимать на службу; при прочих равных условиях предпочтение во всяких обстоятельствах будет даваться более грамотному и т. д., и т. д. Если мы не привьем детям грамотности, то мы не создадим общественно полезных работников и не исполним того, чего ожидают от нас жизнь и общество.

Позволю себе к этому прибавить, что мы должны научить наших детей писать не только грамотно, но и четко, что не менее важно. Но это замечание непосредственно не относится к моей теме, а, с другой стороны, заслуживало бы более подробного развития. А потому я перехожу ко второй причине современной безграмотности.

Мне кажется, что она лежит в методах обучения орфографии. Дело в том, что лет 20–25 тому назад большое влияние на учительские умы оказали писания немецкого педагога Лая. Они переводились на русский язык, служили темой докладов на разных съездах и целиком влились в ходячие методики. Мне нет охоты - да это было бы здесь и неуместно - перетряхивать старые книжки и восстанавливать всю историю вопроса; скажу кратко, в чем была суть дела. Умение писать грамотно стало рассматриваться как известный приобретенный механизм, основанный на моторной и зрительной памяти. Поэтому основным методом для достижения этого умения стали признавать

списывание с правильных образцов, а царствовавшей до того времени диктовке объявлялась жесточайшая война.

Что грамотность есть механизм или, говоря проще, что чем грамотнее человек, тем меньше задумывается он над самым процессом письма, - это несомненная истина. Однако такая формула слишком проста для действительности. Если, например, я не буду думать над тем, что сейчас пишу, то, конечно, навру и в употреблении *ь* в глаголах на *-ся*, и в употреблении префиксов и некоторых неударных окончаний, и во многих других случаях, не говоря уже о знаках препинания, механическое употребление которых ведет иногда, как мы знаем из практики, к полной безграмотности. Значит, хотя идеалом и является механизация процесса письма, однако лишь до известного предела, за которым процесс письма все же должен быть сознательным. Внимание должно задерживаться на некоторых формах языка, быстро их анализировать и соответственно решать ту или иную орфографическую задачу. Уже из этого следует, что механизация процесса письма никоим образом не даст абсолютной грамотности, и даже больше - она обязательно приведет к полуграмотности, так как не создаст привычки при писании быстро анализировать языковые формы.

С этой точки зрения и диктовки с отметками вовсе не такое плохое средство, ибо приучают с напряженным (подстегнутым) вниманием быстро разрешать орфографические задачи. Но и механизации письма, важность которой я, конечно, вовсе не отрицаю, едва ли правильно достигать механическими средствами, ссылаясь при этом на старых писарей, которые за 15–20 лет научались писать вполне грамотно [1]. Ведь наша задача во всех областях знания - облегчить, ускорить это механическое обучение через его рационализацию. Идеалом, по-моему, является достижение необходимого предела механизации через сознательность, с тем чтобы эта последняя была налицо во всех нужных случаях и была наготове, когда механизм почему-либо хотя бы на минуту отказывается служить.

Но если с этим кто-либо и не согласится, то уже безусловно все должны признать, что необходимейшим условием приобретения механизма письма является абсолютная правильность списывания, что возможно лишь при максимальном напряжении внимания. Ну, а известно, конечно, что списывание - смертельно скучная вещь, что дети списывают крайне невнимательно и делают при этом нещадное количество ошибок. Из этого неопровержимо следует, что списывание следует сделать максимально сознательным, сосредоточивая внимание детей на языковых формах и их анализе. Наша орфография, будучи почти последовательно этимологической (словопроизводственной), дает этому богатейшую пищу. Она заставляет разлагать слова на составные части, подыскивать им родственные формы (*вод-а \ вод-н-ый; стл-а-ть = в произношении «слать» \ стел-ю; добр-ым \ зл-ым; земл-ян-ой \ земл-ян-к-а*), находить соотношение менаду словами, группами слов (для знаков препинания) и т. п. Иначе говоря, для того чтобы приобрести механизм письма, необходимо заниматься языком и его грамматикой - вывод, который может показаться довольно банальным. Однако на нем следует настаивать, так как было время, когда многим из нас казалось, что орфографии можно научиться помимо занятий языком, что эти последние необходимы лишь сами по себе, а не для грамоты. Многие думали, а может и сейчас думают, что для того, чтобы научиться грамотно писать, следует только изгнать диктовки и заставить списывать с рукописного или курсивом напечатанного текста. В действительности дело обстоит далеко не так просто, как это прекрасно показал В. Чернышев в своей книжечке «В защиту живого слова» (СПб, 1912).

Между тем, отделив занятия языком от обучения грамоте, многие учителя, не имевшие склонности к занятиям языком или слабо к этому подготовленные, стали на практике понемногу все более и более пренебрегать ими. Таким образом, обучение правописанию повисло в воздухе, базируясь лишь на списывании. Я полагаю, что те результаты, которые сейчас налицо, получились в значительной степени благодаря разобранному методическому заблуждению или, вернее, благодаря поспешным и односторонним выводам из некоторых данных экспериментальной педагогики.

Итак, для того чтобы дети писали грамотно, им необходимо заниматься языком как таковым. Но здесь выступает третья причина современной безграмотности, которая состоит в том, что учителя в массе не любят и не умеют заниматься языком. Можно было бы подумать, что русские учителя не любят русского языка. Я верю, что это не так; я верю, что они любят русский язык, но любят его инстинктивно, не сознательно, не отдавая себе отчета, что и почему они должны в нем любить. А между тем для того, чтобы дети с успехом занимались языком, нужно, чтобы они его полюбили; а для того, чтобы дети полюбили язык, нужно, чтобы учителя заразили их своей любовью; но инстинктивная любовь, если она и есть, не может передаваться детям; она должна как-то реально выражаться и иметь свои точки приложения.

Почему же учительство не любит и не умеет заниматься языком? Да потому, что его этому не научили. Ведь в конце концов школьная наука всегда является в той или другой мере функцией университетской науки. И вот надо констатировать, что университетская наука второй половины XIX в. в области языка ничего не давала для школьной науки.

В связи с целым рядом обстоятельств, на которых здесь неуместно было бы останавливаться, языкознание этой эпохи целиком сделалось историческим, сосредоточившись притом почти исключительно на фонетике и морфологии. В этой области было сделано очень много, и языкознание в целом сдвинулось с мертвой точки, на которой оно находилось в XVIII в.; но все это было не для школы. Между тем языком как выразительным средством в современном его разрезе - главное, что нужно и важно в школе, - в науке почти что вовсе не занимались. Получился разрыв между университетской и школьной наукой, и даже больше - между университетской наукой в области языкознания и обществом (подробнее об этом см. в предисловии к первому выпуску «Русской речи» [Петроград, 1923]).

Учительство было предоставлено самому себе и пробавлялось старым схоластическим материалом. Только в XX в. начинает замечаться поворот к языку, как выразителю наших мыслей и чувств; начинает все больше и больше подчеркиваться теснейшая связь языка и литературы. Но на этом пути пока сделано очень мало. «Об отношении русского письма к русскому языку» И. А. Бодуэна де Куртенэ, «Сборник задач по введению в языковедение» его же, «Очерк русского литературного языка» А. А. Шахматова, «Синтаксисы» Д. Н. Овсяннико-Куликовского и А. М. Пешковского, книги В. А. Богородицкого, В. И. Чернышева и Е. Ф. Будде, а в последнее время М. Н. Петерсона, Н. Н. Дурново и Л. А. Булаховского в научной литературе и книги Пешковского, Ушакова и Рыбниковой в школьной - вот почти все, что имеется по этой части. Достаточно сказать, что у нас вовсе нет словаря русского литературного языка; нет хорошей полной грамматики (есть части ее, да и то на сербском языке); нет хорошего этимологического словаря (Преображенский, как известно, остался неоконченным); вовсе не разработана синонимика; нет стилистики. И говорить нечего, что почти нет хороших лингвистических разборов литературных

произведений; нет хороших задачников и разных сборников упражнений по стилистике и по другим отделам языка и т. п.

Что же делать? Содействовать появлению соответственных трудов, всячески поддерживать их авторов, хлопотать о поднятии квалификации в области языка у студентов университета и педагогических вузов; коренным образом реформировать педтехникумы, имея в виду, что все слушатели педтехникумов будут прежде всего учителями русского языка, а потому должны любить [2] и хорошо знать его, понимать его механизм. Теперь, как я убедился отчасти и на личном опыте, слушатели педтехникумов занимаются и интересуются чем угодно, но не русским языком, и не могут сознательно отнестись к самому элементарному факту языка или правописания.

Вот три основные причины современной безграмотности, на мой взгляд. Но есть, конечно, много и других, побочных. На некоторые из них я и укажу в заключение:

1) С. А. Золотарев, анализируя ошибки современных школьников, приходит к заключению, что многие из них являются результатом распушенности. И с этим надо безусловно согласиться. Хорошая тетрадь, грамотное письмо, четкий почерк возможны лишь при большой внутренней дисциплине и подтянутости.

2) Как это ни звучит парадоксально, однако нужно сказать, что одной из причин понижения грамотности, одной из серьезных причин, являются «новые методы». Конечно, не новые методы сами по себе - их можно только приветствовать, так как отсутствие новых методов означало бы застой педагогической мысли, - а то «усердие не по разуму», которое проявляют некоторые администраторы. Многие из них решительно помешались на разных новых методах и расценивают школы и отдельных педагогов не по достигаемым ими результатам, а по тому, насколько они применяют новые методы. Пора вспомнить мудрое изречение, что суббота для человека, а не человек для субботы. Государству и обществу важны не школьные методы, а степень пригодности к жизни выпускаемых школою граждан. Первое же требование, предъявляемое жизнью, - это грамотность и умение читать книгу (и то и другое, конечно, и в узком, и в широком смысле). Методы же надо предоставить специалистам, ученым советам, исследовательским институтам, лабораторным школам, педагогическим обществам, съездам и т. п. Вопрос о методах - сложный. Универсальных методов нет. В каждом новом методе есть нечто ценное, чем надо воспользоваться; но едва ли в истории можно найти случаи, когда новые методы целиком могли бы быть с пользой применены в жизни. Между тем наши педагоги часто в погоне за новыми методами забывают о своих обязанностях перед детьми и обществом и не научают своих питомцев тому, что, несомненно, должно остаться при всяких методах.

3) Немаловажным является и вопрос о книгах. На разных коллоквиумах приходится поражаться малой начитанности наших школьников. Между тем механизм грамоты, несомненно, приобретает и чтением (я не буду здесь разбирать сложного вопроса о роли чтения в процессе создания грамотности; но что оно имеет большое значение в этом деле, не подлежит сомнению). Совершенно очевидно, что дети, которые должны овладеть литературным языком, должны читать наших классиков (к этому вопросу я надеюсь вернуться еще в особой статье), и читать их в большом количестве. Отчасти здесь может быть вина и школы, которая не умеет организовать этого чтения; но главную роль, - ибо чтение это должно быть самостоятельное и свободное, - здесь, по-видимому, играет большой недостаток книг, особенно в провинции.